

Точно уже не помню, с какого конкретного дня, но тянется мое знакомство со Славкой Бурляковым из богатого на приключения и происшествия детства. Никогда в закадычных друзьях мы с ним не значились, но кучковались в одной ребячьей ватаге, объединенной по месту проживания в портгородке. Частенько под впечатлением просмотренного фильма или прочитанной книги наша дворовая компания делилась на две противоборствующие стороны, которые вступали между собой в отчаянные баталии: сражались на замастряченных из подсобного материала «мушкетерских саблях времен Людовика XIII», «пополняя индейские племена Сиу и Апачей» устраивали стрелковые дуэли на самопальных луках и томагавках (слава богу, обошлось без серьезных травм), зимой и летом гоняли мяч на спортплощадке, которую в нынешнее коммерческое время занял магазин.

Славка в юные годы проявлял атаманские задатки, выделялся среди нас, тогда всех без исключения сорвиголов, особой отчаянностью и безбашенностью: в городском парке палил по мишеням из самодельного пугача зарядами из серы и проволоки; дрессировал отловленную им гадюку, собираясь превратить ее в танцующую факирскую змею; как-то без всякой страховки забрался по балконам на четвертый этаж многоквартирного дома, чтобы помочь товарищу попасть в собственную же квартиру...

Но молодо-зелено, укатали сивок крутые горки, вправили нам учителя из школы № 13 и сама жизнь мозги на место, остепенились ребята из дворовой компании, позачивали техникумы-институты, обзавелись семьями, поразъехались...

Со Славкой, извините, нынче Владиславом, а для кого уже и Владиславом Павловичем, пересекаемся мы и теперь. При встречах обязательно «здоровкаемся». А если никто не несетя галопом, разрешая постоянный круг важных жизненных проблем, то, бывает, перекинемся парой-тройкой фраз, так, ни о чем, о сущих пустяках, но обязательно спрашиваем друг друга о друзьях детства, о тех, кто выпал из кругозора: как там у них, все ли срослось-сложилось?

А тут столкнулся я с Владиславом нос к носу накануне Дня рыбака, и, понятное дело, слово за слово, завязался у нас разговор о рыбной ловле. Товарищ оказался докой в обсуждаемом вопросе, освоил рыбацкое дело от и до, и выяснилось, что нынче в свободное от работы время пропадает на Амуре.

Бурляков так мастерски и заразительно разглагольствовал о превратностях рыбацкого дела, в таких живописных деталях и подробностях поведал о некоторых сво-

их открытиях, сделанных на реке во время хода лосося, что ненароком обмолвился и я, что тоже не против был бы забросить сетку: «А то, что получается?! Я в третьем поколении нижеамурец, можно сказать, абориген здешних мест и должен по всем понятиям быть с рыбой на «ты». Но вот не сложилось. С удочкой еще куда ни шло, а мой рыбацкий опыт на «красную» рыбу просто смехотворен. А ведь одно дело — приобретенная с рук горбуша или кета, а другое — сам процесс!»

Завернул я так беседу, скорее всего, поддавшись эмоциям, ради поддержки разговора и где-то в порядке самокритики, как местный житель, не освоивший настоящих амурских привычек. Но только заикнулся на счет порыбачить, как сразу встретил заинтересованный отклик и полную душевную поддержку приятеля:

— А почему бы и нет! Чего там: посидим, молодость вспомним! У меня возле поселка Субботино конкретное «нагретое» место!

— Замечательно, — без особого воодушевления заметил я, не ожидая такого резкого перехода к практическому решению рыбацкого вопроса, и заявил с некоторой неопределенностью: — Вот с работой надо бы уладить...

Но Бурляков вцепился в меня мертвой хваткой, проявив настоящие рыболовные качества, где главное, чтобы добыча заглотила наживку, подседа на крючок, а вывести ее на бережок — это уже вопрос второстепенный и легко решаемый, тут, где надо, дай чуток слабину, а в остальном все наматывай и наматывай на себя лесу.

— В субботу работаешь? — начал допрос Владислав.

— Да, да! В школе уроки, — даже где-то обрадовался я найденному поводу увильнуть в сторону, сойти с крючка. При этом разочарованной гримасой и выдохом с сожалением, показывая некую свою обреченность. — Вот же собирался! В кои-то века! Хотел поддержать компанию, но не сложилось. Может, как-нибудь в следующий раз...

— А в воскресенье? — проявил настойчивость приятель.

— В воскресенье?... — задумался я, и когда неопределенную паузу тянуть уже было невозможно, вынужденно признал легко проверяемый и давно сложившийся режим работы отечественных учреждений образования. — В воскресенье школа не работает.

— В субботу вечером рванем! С ночевкой, — подвел итоги нашим недолгим сборам Бурляков.

«Вот же заикнулся, а теперь идти на попятную, отказываться от своих слов — было бы выглядеть в глазах товарища несерьезным человеком», — сокрушался я, не высказывая свои мысли вслух. Но делать нечего, я еще раз обреченно вздохнул и включился в обсуждение нюансов, связанных с организацией грядущей рыбалки...

На всякий случай перед самым расставанием поинтересовался у приятеля:

— У тебя лицензия до какого срока?

— Какая еще лицензия? На отлов горбуши, что ли? Да чтобы я лицензию?! — завелся с полуоборота Бурляков. — На родной реке?! Ни в жизнь! Это кто же на меня ограничения наложил?! По какому праву?! У кого я еще должен разрешение спрашивать? Из принципа не буду!

Конечно, после таких заявлений Бурлякова мне, как законопослушному гражданину, не помышляющему идти ни на какие нарушения, надо было сразу откланяться и делать ноги: «Извините, но такая рыбалка чревата всякими последствиями. Нет тут вам никакого моего согласия...»

Но эта же дружба с детства! И хранятся у нас до плешей во всю голову перед ней какие-то непонятные обязательства! Присутствует вдобавок в человеке некоторая черта или свойство характера, когда он, не желая обидеть, подвести сотоварища, отказывает себе в праве категорически мыслить, уже и сам обрекает себя быть втянутым в сомнительное предприятие. А Бурляков еще и подначил, резанув по живому:

— Что-то я тебя не узнаю! Ты чего междуешься-то? Ты кого боишься? Мы у себя дома! Что, был-был герой, да спекся?!

— Да в принципе-то я не боюсь,— «поддавшись на провокацию», захорохорился и я, выказывая тем самым поддержку доморощенной «пугачевщине»...

— Ну, так я за тобой в субботу заеду, часикам к семи,— пообещал напоследок Владислав.

В угоду дружбе детства как-то рассорился я со сном в оставшиеся дни до рыбалки. Выползли из дремучих глубин подсознания страхи и переживания: «Это как же так, в одночасье заделался я махровым браконьером?.. Узнают на работе, это что же будет...». В последнюю ночь перед рыбалкой все-таки сморило ненадолго...

Сколько ниточке ни виться, а с печальным концом придется мириться! Сколько вору ни воровать, а расплаты не миновать! И поделом.

В большом зале суда, набитом до отказа возмущенной толпой, со скамьи подсудимых я что-то мямлил невразумительное себе в оправдание.

— Ну что, попался?! Позор ему!.. Да это же перевертыш!.. Вшивая интеллигенция!.. Хамелеон!..— раздавалось из зала, который не скупился на скорые обличительные вердикты, напрочь забыв добрые слова.— Как он ловко маскировался!.. Забрался в наши ряды!.. Враг народа!..

Долгое время никак не пытавшийся успокоить зал, и даже покровительствовавший его оголтелости и кровожадности, устремив на обвиняемого суровый безапелляционный взгляд и всем своим видом утверждая неотвратимость скорого сурового наказания, наконец, взял слово главный судья. Указав на меня своим праведным перстом, он обратился к собравшимся:

— Что будем с ним делать?

Лишь ненадолго стихнув, вновь накалился страстями зал:

— Нечего с ним церемониться!

— Нельзя такое больше терпеть!

— К высшей мере!..

— Понятно, что высшая! А какая? — уточнил слуга Фемиды.

— Пули еще на него тратить?! Четвертовать к едреной фене! — тут же выкрикнул какой-то особо справедливый заседатель.

Публика в зале тут же одобрительно закивала головами: — Четвертование! Четвертование...

Не дождавшись чтения приговора судьей (а чего там, и так понятно!) два бугая, подхватив меня под белы ручки, повели из зала напрямик к месту казни. Кто-то особенно «сердобольный» и «жалостливый», в глазах кого приговоренный, то бишь я, наверное, выглядел таким счастливым и везунчиком, злобно бросил мне в спину:

— Это он еще легко отделался!..

После такого безрадостного сна без всякого воодушевления и настроения, пакуя рюкзак, я обреченно думал, что втягиваюсь в большую авантюру, переступаю опасную черту, делаю шаг в бездну... Но, как подневольный и загипнотизированный, не мог повернуть дело вспять, принимал грядущее, как злой рок, как неизбежное, а в назначенный срок сгреб вещички и направился к выходу, в последний раз сиротливо окинув взглядом квартиру: вернусь ли, нет ли, пусть не богатая обстановка, но все оказывается такое симпатичное, привычное... Можно сказать, родовое гнездо. Все же теперь потеряешь, и было бы из-за чего... обидно... и грустно...

В тот вечер, выйдя из дома, я на всякий случай огляделся у подъезда: может, уже, кому следует, догадались и устроили засаду, чтобы пресечь на корню преступные поползновения, или установили слежку... но ничего такого подозрительного не заметил. Скорее всего, будут брать с поличным...— мелькнула мысль, и я поплелся к автомобилю.

В отличие от меня на улыбчивом лице Владислава не было и намека на какие-то

угрызения совести и терзания души. Небрежно сунув мой рюкзак в багажный отсек автомобиля и с шумом прихлопнув крышкой, будто выстрелил из стартового пистолета, он по-гагарински скомандовал:

— Поехали!

За окном мелькали очертания такой привычной и размеренной жизни, за которую уже невозможно было зацепиться и откуда меня резко вырвали и увозят в тартарары. Необъезженные и непослушные мысли катались кубарем, таранили друг друга, бились о черепную коробку: рушилась вся моя будущность, перепутались и ломались грандиозные планы, «вживую» горели несостоявшиеся перспективы...

Словно несовершенный робот, словно заводная, но малофункциональная машинка (куда направили — туда и пошел), бестолково суетился я на берегу, делая все невпопад, больше путаясь под ногами у рулившего процессом Владислава. Рассудок же все скребла и занимала одна мысль: «Скоро все закончится! Нас неминуемо настигнет справедливая кара!..»

Бурляков, по-видимому, списывая мою нерасторопность на отсутствие всякого рыбацкого опыта, лишь незлобно подшучивал и в итоге по моим способностям при постановке сети отвел мне место на веслах, указав курс на возвышавшуюся над окружающими деревьями ель. И я во всю мощь своих рук включился в рыбацкую эпопею, борясь с небольшим течением, греб на природный ориентир, словно желал вырваться из вражеского плена и спрятаться под его вечнозеленой кроной.

А между тем сетка была благополучно натянута. Створы определены. И все нам пока сходило с рук... А потому устал бояться и я, стали постепенно улечиваться куда-то мои страхи.

Оглядевшись по сторонам, заметил, что жизнь продолжается, причем наполнена разнообразными явлениями. Щедрое солнце на прощание богато дарило летнему дню аметисты и сапфиры, оттопырь только карманы, да подставь рюкзаки — насыплет всем желающим сокровищ до самых краев, в каждую складку-прореху, в любую емкость-посудину. Видно, дождавшись урочного часа, массово полетел в сверкающее царство мотыль-поденка. То ли лишь забавы ради, то ли в погоне за легкокрылыми мотыльками-бабочками, завывпрыгивала из воды, подставляя чешуйчатые бока закатному солнцу, рыбная мелочевка — чебаки да пескаррики.

Так уж, наверное, устроен человек: все время находится в поисках смыслов жизни — никак не может найти золотой середины и хрупкого равновесия. Радость без меры и долгу удачу начинает воспринимать как должное и обыденное: что имеем — не храним, потеряем — плачем; долгое же пребывание в состоянии угнетенности и подавленности в итоге порождают у него сопротивление и бунт: не верь судьбе — спасение в борьбе... И так любые наши чувства, хочешь не хочешь, но когда-нибудь одни из них обязательно ослабевают, и на смену им приходят противоположные...

— Для снятия стресса! — вытащил Владислав из багажника широко известную стеклянную емкость, наполненную прозрачной согревающей жидкостью.

— Да уж, — буркнул я, еще без особого энтузиазма и оптимизма. Но товарищ, держа бутылку в вытянутой руке — «большое» лучше видится на расстоянии — тут же закрепил свою недавнюю мысль новым аргументом:

— Все лучшие лекарства на ней настояны! А для наших северных параллелей без нее никак нельзя! От ревматизмов всяких и для расширения сосудов!

— Давай по одной, — согласно махнул я рукой.

— За День рыбака!.. — прозвучал тост.

Первая ломоносовская норма обожгла дыхание, прокатилась по горлу и ухнула с горки, как в пропасть, а вторая уже не сгнула совсем, отозвалась, загорячила кровь, осветлила ум...

— Сегодня негласный закон: рыбинспекция нас, рыбаков, не трогает — тоже

читит праздник! — приподнялся с ободряющей новостью для моих недавних терзаний товарищ, но тут же внес поправку: — Но это только наши местные охранники понимают. В это же лето пришлых контролеров понаехало. У них другие законы и порядки. Макли свои наводят. Но ты не дрейфь, если что, отобьемся!

— А кто дрейфит? Я, что ли?! — неожиданно заартачились-забравировали во мне ломоносовские миллиграммы.

— А помнишь, как ты хмырю с межрайбазы, Прыщем его, кажись, звали, рожу начистил? — неожиданно вспомнил приятель подробности моей далекой биографии.

Мое лицо, наверное, на короткое время превратилась в обескураженную физиономию: не путает ли меня с кем-то Владислав? Может, кто другой тогда в детстве отличился? Во всяком случае выпал из моих прошлых мысленных записей тот день. Но память же имеет такие свойства — тут же нашел я себе в оправдание: кому-то дано помнить все перипетии юных лет в мельчайших подробностях, у кого-то былое вспоминается полосами «просвет — туман — просвет...», а у иного полная «амнезия» — начисто стираются все детские годы. А потому, чего тут ломаться, набивать себе цену... Если товарищ помнит, то так оно и было. Не стал я отнекиваться, отчего-то даже размял-потер тыльную часть правой кисти, будто после той давней драки еще побаливает какой-то суставчик и, осознавая, что в глазах товарища я наверняка сейчас выгляжу геройски, таким авторитетом, признал, смакуя слова:

— Нельзя было тогда не ввязаться! Получил этот гад по полной! И было за что!

Владислав смотрел на меня с явным одобрением, а я, самовоодушевляясь, «рос» в собственных глазах. И уж ответный вопрос, так поворачивался разговор, был за мной. Поинтересовался у приятеля первым, что вспомнил из детства:

— Слав, а тогда, помнится, ты гадюку тренировал — танцевать ее пробовал научить, кажется. Получилась что-нибудь у тебя или нет?

— А куда она денется! Наши змеи лучше всяких факирских кобр могут плясать! Такая музыкальная и талантливая оказалась гадюшка! Вприсядку по кругу ходила и даже подпрыгивала! «Барыню» или «Камаринскую» легко выдавала! — не моргнув глазом, на полном серьезе, и пойдя догадайся, а вдруг и в самом деле не врет, заявил Владислав.

Владислава потянуло на воспоминания. Он травил байки... Разинув рот и забыв про всякие недавние страхи и браконьерские заморочки, я слушал и, где нужно, вставлял свое правдивое слово... Нашлись еще тосты и поводы... Спиртное бродило по своим законам, вытаскивая из закоулков мозга всякие интересные мысли. Набирая обороты, закрутилась карусель разговора, но все больше сводился он к одному и тому же: мы еще не выпали из обоймы! Мы еще такое можем!..

— Молодец, что вытащил меня на рыбалку! — искренне подвел я первые итоги амурского вояжа.

— Да ты же нашенький! Местный! Давай еще по одной за Амур! Вон он какой! — обвел рукой сотоварищ необъятные просторы реки.

— За Амур! Святое дело! — поддержал я Владислава...

— Первый тайм,— после тоста в честь великой дальневосточной реки, не закусывая, Владислав неожиданно затянул песню,— мы уже отыграли!

— ...и одно лишь сумели понять! — я вовсе не солист — не песенник, но не растерялся, без предварительной спевки, с ходу поддержал товарища...

Надо же, и оказалось: большинство слов этой замечательной песни Александры Пахмутовой и Николая Добронравова мы помнили и исполнение выдали подобающее... Не хуже, чем Александр Градский, наверное... Да кто нас осудит, кто заругает, от души ведь пели, дурака не ломали, а потому без всякой внутренней фальши. И настроение самое расчудесное! Как здесь не спеть?!

— Чтоб тебя на земле не теряли, постарайся себя не терять...— тянули мы вместе, обратившись к могучей реке. И мудрый Амур прекрасно нас понимал, не глушил

песню, а даже аккомпанировал, давал с малой волной нужную мелодию, которая только подчеркивала всплески наших рыбацких душ...

— Не пора ли нам проверить сеть? Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть! — после музыкальной паузы вернулся к рыбацким заботам товарищ.— Рассчитывать, правда, на удачу особенно не приходится, я уже тут неделю караулю — красноперка и конек залетают поодиночке, а горбуши хотя бы хвост словить — пусто. Затягивается ход, где-то в морях краснорыбица еще гуляет. Но придет время — попрут валом!

Видно, время пришло! В награждения за долгие ожидания с самого края сети Владислав вынул две горбуши. А потом пошло — поехало! Освобожденная из капроновых ячей рыба-серебрянка одна за другой плюхалась в лодку... Даже ночью поблескивали рыбины чешуей, прогибались упругими телами, искали возможность вернуться в родную стихию...

— Ну, ты и фартовый! — восторженно сделал вывод приятель в отношении моей случайной для рыбалки персоны.— Во прет-то! Ну ты даешь! Угадал! Выехал под самый ход!

Здорово мнить себя фартовым! А в принципе: кто бы сомневался! Может, я залог рыбацкой удачи, талисман успешного лова, ко мне рыба сама в руки идет?! Всякие другие мысли, что вроде со мной такого раньше не случалось, и нет никаких предпосылок думать о своей особой везучести, я уверенно гнал прочь. Чего тут сомневаться и голову ломать, со стороны то виднее! Может, я до сих пор не те ставки в жизни делал, не развил — не использовал как следует свой дар и предназначение! Может, мое дело рыбалка, обниматься и миловаться с рекой, бесконечно встречать утренние и вечерние зорьки!..

После первой проверки сети затаренный под жвак мешок с рыбой мы спрятали в прибрежных зарослях, так, на всякий случай, чтобы не иметь при себе никаких улик. И, видно, сторожились не зря.

Мы только собирались продолжить разговор за жизнь, как слышали шум мотора. Показавшийся вскоре катер держал курс прямо на нас. Однако метров за тридцать от берега лодка остановилась.

— Пришлые! Ишут, где бы поживиться,— каким-то внутренним чутьем определил Бурляков, и вдруг сорвался с места, подошел к самой кромке воды, присел, выкинул коленце, привстал, прихлопнул в ладоши и, выбросив руку вперед, запел частушку:

*Коли не было б воды,
Не было б и сетки!
Все инспекторы на речке
Сплошь марионетки!*

Конечно, если задуматься на трезвую голову, то частушка прозвучала каверзная и никуда негодная. Но где ее тогда было нам взять на рыбацком берегу — эту трезвую голову! Не существовало тогда для нас ни цензоров, ни редакторов! Это был смелый шаг! Дерзкий вызов от имени всего нижеамурского рыбацкого сообщества! Товарищ бросил перчатку! Но, оказалось, никто не спешил ее поднимать. Инспекция, или кто там был в лодке, ни бе ни ме ни кукареку, ни в зуб ногой, ни назад — ни вперед, чего-то выжидая, застыли на месте.

Владислав же поймав кураж: вот мы — молодцы какие, обвели вокруг носа охранную службу! Да добавок сразили, укололи, и все нам нипочем! — выдержав лишь небольшую паузу и повторив нехитрые телодвижения — кульбитцы, запел новую частушку:

*Рыбинспектор, как жар-птица,
Ему дома не сидится!
Голова болит с утра...*

Тут товарищ, не сумев сходу подобрать нужную рифму, на пару секунд замешкался...

— Там извилина одна! — неожиданно для себя выручил я Владислава, из солидарности отчего-то также невзлюбив рыбоохранную службу, вслед за приятелем пустился во все тяжкие, обнаруживая тем самым, что, оказывается, во мне до поры до времени спал самый злостный браконьер.

Хотя, если по правде разобраться, чего там придираются, обвинять рыбинспекцию, они те же люди, что и мы,— рыбаки, о двух руках и двух ногах, выполняют свои обязанности. Не было бы рыбной охраны, так такой разгул был бы на реке, и еще неизвестно: осталась бы там хоть какая-то рыба!

Охранники, или кто там был в лодке, наверное, покрутили пальцем у виска в наш адрес или просто отсмотрели бесплатный концерт, но с нами выяснять отношения не стали, предпочли ретироваться.

Для нас же, полных сил продолжить концертное выступление, такой демарш добровольного зрителя был полной неожиданностью. Вдобавок, прямо таки чувствовалось, что муза — вот она, рядом витает и с нами нынче запанибрата, потому вдохновенно уходящей лодке раздался еще один разительный куплет:

*Я русалочку словить
В сеточку пытался,
Рыбинспектор проезжал —
Только хвост остался!..*

— Да ну их! Давай лучше споем нашу любимую! — предложил Владислав, когда объект для критики отгудел-отзвучал на широкой амурской дороге.

— Давай! — свел я брови, напряженно вспоминая: «Какая же эта наша лучшая песня?»

— Первый тайм...— завел товарищ.

— Мы уже отыграли!..— подхватил я.

На весь этот рыбацкий день сроднились мы с рекой, на своем генно-аборигенном уровне отстаивая право на лов рыбы. Не терзая больше душу напрасными сомнениями, находил себе я оправдания: «Мы здесь, можно сказать, в научных целях, для исследования процесса рыбалки. Наши предки рыбачили, отцы и деды, а мы чем хуже? Не на продажу же. Для себя. Покушать, угостить, знакомых-родственников. Не разбогатеем, не озолотимся. Лишь возьмем свой пай с высокого замеса, где стараются не для кого-то, а для всех, для народа. Ведь у нас здесь, на Северах, на Нижнем Амуре, никаких больше привилегий перед жителями других губерний, кроме двухэтажных снегов, жгучих морозов и лососевой рыбалки».

На всякий случай, если вдруг нашим выездом на Амур заинтересуются рыбоохранные органы, то воспринимайте это мое признание как явку с повинной. А повинную голову меч не сечет!

Хотя чего это я? Владислав какой год держится на одних принципах и не сдастся! В общем, не будем мы проявлять малодушие. Такое наше будет последнее слово: все это сочинено только для красного словца, так, чтобы себя потешить. Вся эта история про рыбалку — один лишь художественный вымысел! Сами же понимаете: чего только не придумаешь за долгую зиму, ожидая короткого северного лета. Хотите, у Владислава спросите, он подтвердит, расскажет все как надо — правильно, а больше никто с нами не рыбачил, нет больше свидетелей. То есть этих. Как их? Во, вспомнил — героев рассказа.

